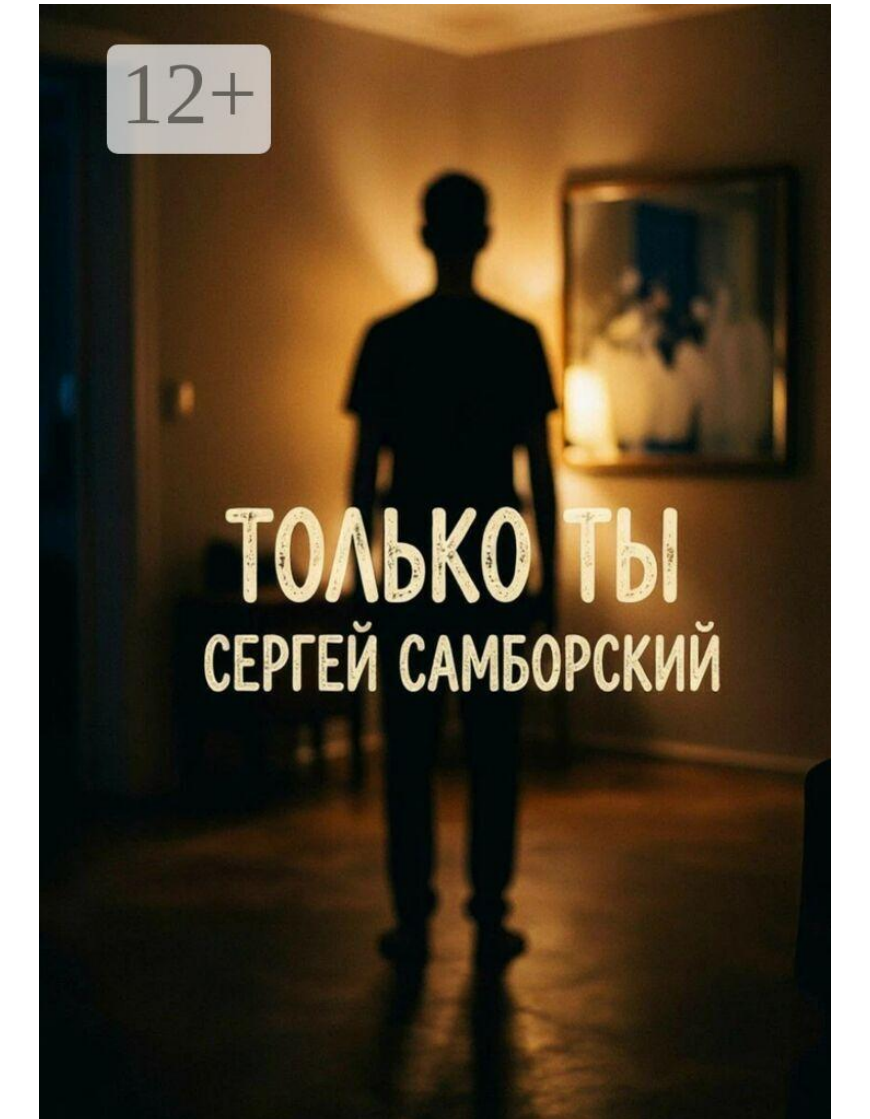

12+

A silhouette of a person stands in the center of a dimly lit hallway, facing away from the camera. The hallway is illuminated by a warm, yellow light source, possibly a lamp, on the right wall. A framed picture hangs on the right wall. The floor is dark and reflective. The overall mood is mysterious and somber.

ТОЛЬКО ТЫ

СЕРГЕЙ САМБОРСКИЙ

Сергей Самборский

Только ты

<https://litres.ru/74543483>

ISBN 9785007132503

Аннотация

В рассказе «Только ты» повседневная усталость оборачивается экзистенциальной драмой. Герой выплёскивает раздражение на мир — на очередь в «Магните», на начальника, на коллег, — но в своей маленькой комнате он находит единственное безопасное место: того, кто не перебивает, не осуждает и никогда не предаст. Через бытовые детали и доверительный монолог автор показывает, как одиночество учится притворяться близостью. Иллюзия «нас двоих против целого мира» держится до последней строки.

Только ты

Сергей Самборский

© Сергей Самборский, 2026

ISBN 978-5-0071-3250-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Ночник на тумбочке горел ровно, не мигая, — маленький тёплый круг в густой темноте комнаты. За окном, где-то далеко внизу, гудела улица: машины, голоса, чья-то ругань на остановке. Он не слышал. Он давно научился не слышать. Человек сидел на краю кровати, чуть подавшись вперёд, и говорил — негромко, почти шёпотом, но с какой-то натянутой, дрожащей силой, как будто каждое слово он вытаскивал из себя клещами.

— Представляешь, — сказал он, — стою сегодня в «Магните». Очередь. Я — четвёртый. Передо мной бабка с тележкой, набитой так, что колёса не крутятся. Кассирша — девка лет двадцати, с таким лицом, будто ей должны все на свете, начиная от государства и заканчивая мной лично. Пробивает каждую банку, каждый пакетик. Каждую! По одной. Не пачкой, не кучкой — по одной. Прижимает к сканеру, ждёт пик, кладёт на ленту. Берёт следующую. Пик. На ленту. Пик.

На ленту.

Он замолчал, сжимая и разжимая кулаки на коленях.

— А потом бабка достаёт кошелёк. Знаешь, какой? Такой маленький, советский, на кнопке. И начинает считать мелочью. Пятьсот тридцать два рубля. По рублю. По два. По пять. Кассирша не торопит. Стоит, смотрит в потолок. А за мной уже шестеро. И все на меня смотрят, как будто это я виноват, что я стою впереди них и не ухожу. Как будто я должен извиниться, что бабка считает монеты по одной.

Он повернул голову чуть вправо — туда, в полумрак, где ночник не доставал, где лицо собеседника угадывалось только мягким контуром, тенью скул и спокойным, немигающим взглядом.

— А потом кассирша говорит — знаете, говорит, у вас тут пакет порванный, надо перепаковать. И бабка начинает вытаскивать всё обратно. Всё! Из пакета в новый. А кассирша стоит и смотрит.

Он выдохнул, провёл ладонью по лицу — медленно, ото лба к подбородку, будто снимая что-то. Потом тихо, совсем другим голосом:

— Но это всё ерунда. Это — мелочь. Знаешь, что меня по-настоящему добивает? Не кассирша. Не бабка. Не очередь. А то, что я смотрю на них — на всех — и понимаю: они не живые. Они как... механизмы. Как что-то, что запустили, и оно работает, и не понимает, что работает. Жужжит, крутится, толкается, ест, спит, снова ест. И так — каждый день. И они

даже не знают, что они такие. Им кажется, что они живут.

Он помолчал. Потом наклонился чуть ближе, и голос его стал мягким, почти тёплым, как будто он тронул что-то хрупкое и боялся сломать.

— А ты молчишь. И правильно делаешь. Тебе не надо говорить. Ты просто... ты просто есть. И мне этого достаточно.

В комнате было тихо. Только гудел холодильник на кухне — ровно, монотонно, как далёкий трансформатор в подполе. Он прислушался к этому гудению, поморщился.

— Слышишь? Жужжит. Вечно жужжит. Всё вокруг жужжит. Как будто мы в улье, и нас тысячи, и все ползают друг по другу, и каждый думает, что он пчела, а на самом деле — просто мошка в банке.

Он потянулся рукой — медленно, осторожно, — и коснулся. Пальцы легли на щеку, тёплую. Нет, не тёплую. Прохладную. Но это ничего. В комнате холодно, вот и всё. Он провёл большим пальцем по скуле, легко, как будто стирал что-то невидимое.

— Я сегодня заходил к Сергею Ивановичу, — сказал он, убирая руку. — Насчёт отгулов. Знаешь, что он мне ответил? «Николай, — говорит, — вы же понимаете, год непростой, у нас план, давайте после Нового года». После Нового года! Как будто мне делать нечего до Нового года. Как будто я могу просто прийти после праздников и сказать: «Вот он я, давайте ваши отгулы». А до этого — что? Пахоть? Каждый день с восьми до семи, без обеда, без перерыва, и слушать,

как он по телефону своей жене обещает ресторан на субботу,
а мне — «давайте после Нового года».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.